

В. В. КУЧМА

«СТРАТЕГИКОС» ОНАСАНДРА И «СТРАТЕГИКОН МАВРИКИЯ»: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ *

Перейдем к характеристике последнего, но самого главного элемента стратегии — принципов непосредственного проведения военных кампаний.

Как правило, боевому столкновению двух воюющих армий предшествовало осуществление марша. В трактате Онасандра¹ изложены основные положения греко-римской военной теории, касающиеся такого марша: он совершается при соблюдении строжайшего порядка и при постоянной готовности к отражению вражеского нападения; ширина фронта походной колонны определяется особенностями местности, по которой пролегает маршрут²; обоз и скот располагаются в середине походной колонны³; авангардные подразделения должны быть по силам равны арьергардным, между ними следует наладить постоянное взаимодействие⁴; основным силам предшествует конная разведка, особенно в закрытой местности, где возможна организация засад⁵; как правило, марш должен происходить в дневное время — ночные передвижения могут осуществляться лишь в исключительных случаях⁶. Специально сказано о проходе ущелий и теснин: следует заранее выслать небольшие отряды, которые, опередив врага, захватят господствующие высоты и будут удерживать их, пока основные силы армии не проследуют через эти узкие места⁷.

Маврикий в ряде случаев поправляет своего предшественника; в других местах он оживляет эти теоретические схемы некоторыми практическими рекомендациями. В составе походной колонны воины должны следовать не все вместе, тесным четырехугольным строем, как писал Онасандр⁸, а по отдельным подразделениям, каждое из которых имеет в арьергарде собственный обоз. Такое дискретное построение облегчает управление войском, позволяет организовать более четкое его обеспечение продовольствием и фуражом; кроме того, неприятельским разведчикам оказывается трудно определить его точную численность⁹. Существенное расхождение в рекомендациях Маврикия и Онасандра объясняется в первую очередь изменившимся к VI в. составом армии: в ней

* Окончание. Начало см.: ВВ, 1982, 43; 1984, 45.

¹ Далее: *Onasander*. Пользуемся изданием: *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. London; New York: The Illinois Greek Club, 1923, VI, 1, p. 394.

² *Onasander*, VI, 2—4, p. 394—396.

³ *Ibid.*, VI, 6, p. 398.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*, VI, 7, p. 398.

⁶ *Ibid.*, VI, 9, p. 398—400.

⁷ *Ibid.*, VII, 1—2, p. 402—404.

⁸ *Ibid.*, VI, 5, p. 396—398.

⁹ *Mauricius*. *Arta militară/Ed. critica, trad. și introd. de H. Mihăescu (Scriptores byzantini, VI)*. București, 1970 (*далее: Mauricius*), I, 9, 2—3, p. 68.

стали количественно преобладать кавалерийские контингенты, тогда как во времена Онасандра пехота по численности превосходила конницу.

Забота о лошадях постоянно проявляется и в последующих рекомендациях Маврикия. Маршрут предстоящего перехода определяется таким образом, чтобы по пути движения было достаточно воды и корма для лошадей¹⁰. Если дорога будет проходить через места крутые, обрывистые, то нужно выслать вперед несколько солдат, приказав им исправить дорогу, чтобы лошади не подбили себе ноги¹¹; назначенных для этого людей, прибавляет Маврикий со знанием дела, следует освободить от караулов и других нарядов.

Указанная дискретность в построении походной колонны усложняла задачи, которые должны были решать командиры отдельных подразделений, требовала от них большей организованности и ответственности. Если предстоит переход через особенно трудный участок местности (например, через ущелье), командир подразделения должен лично прибыть в это место и руководить переходом до тех пор, пока все его солдаты не преодолеют трудный участок. После этого он должен передать пост командиру следующего подразделения, и тот будет действовать аналогичным образом¹². В некоторых крайних случаях переход через трудный участок контролируется самим стратигом¹³.

Маврикий обращает внимание и на такую деталь: если во время марша вблизи окажутся дикие животные, но известно, что неприятель неподалеку, следует запретить всякую охоту, поскольку может возникнуть большой шум, да и лошади будут утомлены; в мирное же время охота для воинов чрезвычайно полезна¹⁴. Кроме того, рекомендуется избирать такой маршрут движения, который пролегал бы вдалеке от населенных пунктов, чтобы неприятель через шпионов не получил сведения о войске¹⁵.

В заключительную, XII книгу своего трактата Маврикий включил две главы, содержащие более подробные указания о проведении походного марша в условиях, когда неприятель находится в угрожающей близости¹⁶. Данные главы вызывают повышенный интерес еще и потому, что в качестве конкретного противника здесь названы славяне и анты¹⁷.

Особое место в организации марша военная теория уделяла преодолению водных преград. Вызывает недоумение тот факт, что в трактате Онасандра этот вопрос полностью обойден, и мы затрудняемся сколь-нибудь удовлетворительно объяснить причину такого пробела. Маврикий рекомендует организовать переправу через реку с помощью понтонного моста. Его надо наводить постепенно, по частям, начиная со своего берега, под охраной быстроходных кораблей (дромонов). Когда до противоположного берега останется расстояние менее одного полета стрелы, следует с помощью кораблей, вооруженных баллистами, захватить противоположный берег и укрепиться там, построив оборонительную башню.

¹⁰ Ibid., I, 9, 5, p. 68.

¹¹ Ibid., I, 9, 6, p. 68.

¹² Ibid., I, 9, 9, p. 70.

¹³ Ibid., I, 9, 8, p. 68—70.

¹⁴ Ibid., I, 9, 10, p. 70.

¹⁵ Ibid., I, 9, 11, p. 70.

¹⁶ Ibid., XII, 8, 19—20, p. 342—350.

¹⁷ Ibid., XII, 8, 20, 1, p. 342. В первой части нашей работы мы отмечали, что XII книга «Стратегикона» сообщает информацию в целом более архаичную, чем та, которая содержится в других частях трактата; одновременно мы указывали на случаи явственной авторской обработки этой информации. Упоминание славян и антов — один из самых показательных примеров подобной обработки. Такая конкретная персонафикация противника (на фоне полной безотносительности всего остального материала XII книги) — весомый аргумент в давнем споре о том, кого именно Маврикий считал главным врагом империи. См. об этом: Кучма В. В. Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978, с. 11—12.

огражденную рвом и валом. Под прикрытием этих сооружений достраивается мост, а по нему осуществляется переправа всего войска, как пешего, так и конного¹⁸.

Немаловажной составной частью походной колонны являлся обоз. У Онасандра сведения о нем весьма неопределенны: остается неясным, какие именно элементы вооружения и снаряжения должны находиться в обозе, кому поручена его охрана, где должен располагаться обоз в различных ситуациях и т. д. Неоднозначна и терминология, которую использует Онасандр. Наиболее близок к интересующему нас понятию термин «ἡ ἀποκείβη», употребленный по крайней мере трижды¹⁹.

Маврикий в XII книге своего «Стратегикона» помещает подробный перечень военного имущества, которое должно находиться в обозе. На каждые 10 пехотинцев приходится одна повозка, где размещаются: ручная мельница, топор, секира, пила, два заступа, две малые лопаты, корзина из прутьев, войлочная материя, серп и т. п. Кроме того, имеются специальные повозки с расположенными на них метательными орудиями (баллистами); при них — обслуживающий персонал (баллистарии, мастера по дереву и металлу), возглавляемый особым начальником. Помимо лошадей или волов, запряженных в повозки, должно быть выделено достаточное количество вьючных животных, по одному на 16 пехотинцев, для транспортировки продовольствия на 8—10 суток. Их предназначение — сопровождать войско, когда оно движется быстрым маршем, опережая обозы. Наконец, часть лошадей выделяется для перевозки оружия, стрел, метательных снарядов и 10—20-дневного запаса муки или сухарей²⁰.

Повозки и вьючные животные обслуживались специальными слугами, иногда малолетнего возраста²¹. Маврикий дает понять, что в обозе могли также находиться жены и дети воинов²². Лошадям и повозкам каждого подразделения следовало иметь свои отличительные значки — об этом должен позаботиться начальник обоза²³. Для защиты обоза выделялось до 10 % пехотного войска: Маврикий указывает, что на каждые 16 строевых пехотинцев приходится два солдата, предназначенные охранять обоз²⁴.

На марше обозы следуют каждый за своим подразделением на расстоянии одного полета стрелы. Обозная повозка должна быть прикрыта сзади куском войлока для предохранения возничих, воинов и лошадей от стрел²⁵. Повозки с баллистами располагаются по всей протяженности походной колонны, особенно с флангов, чтобы быть в состоянии вести стрельбу на ходу. Для их обслуживания должны быть отобраны особенно подготовленные возничие, опытные в стрельбе из лука и пращи²⁶.

Новым словом в военной теории была высказанная Маврикием идея укрепления, состоящего из обозных повозок, — прообраза позднейшего западноевропейского вагенбурга; Маврикий именует его *ὁ χαραῖς*²⁷. Такое укрепление позволяет организовать круговую оборону от атакующего со всех сторон неприятеля. Внутри пространства, ограниченного повозками, могут укрыться конные подразделения и все вспомогательные части; пехота, расположившись по периметру, будет отражать нападение врага стрельбой из луков, пращей и баллист. На ближайших подступах к укреплению используют триболы (металлические шарики с шипами)²⁸, которые могут серьезно поранить ноги людей и лошадей.

¹⁸ *Mauricius*, XII, 8, 21, 5, p. 354.

¹⁹ *Onasander*, VI, 6, p. 398; XXXI, 2, p. 474; XXXIV, 4, p. 486.

²⁰ *Mauricius*, XII, 8, 6, p. 316.

²¹ *Ibid.*, V, 2, 3, p. 152.

²² *Ibid.*, V, 1, 2, p. 150.

²³ *Ibid.*, XII, 8, 7, 4, p. 318.

²⁴ *Ibid.*, XII, 8, 9, 2, p. 320.

²⁵ *Ibid.*, XII, 8, 18, 1, p. 340.

²⁶ *Ibid.*, XII, 8, 18, 2, p. 340.

²⁷ *Ibid.*, XII, 8, 7, 3, p. 318; 8, 18, 1, p. 340; 8, 22, 24, p. 300; 8, 22, 28, p. 362; 8, 23, 1, p. 362.

²⁸ *Ibid.*, XII, 8, 18, 4, p. 342.

Мы сочли необходимым подробно остановиться на данных «Стратегикона», посвященных организации марша и обозной службы, поскольку ни в одном из более ранних трактатов не встречается столь детальной разработки указанных сюжетов. Что же касается их освещения в позднейшей военно-теоретической традиции, то она складывалась под самым непосредственным влиянием «Стратегикона».

Греко-римская военная теория рассматривала в качестве нормы такую последовательность в развертывании военной кампании, когда походный марш и полевое сражение разделялись периодом лагерной стоянки. Укрепленный лагерь был призван играть тройную роль: он служил местом отдыха войска после завершения перехода; он являлся средством надежной защиты от вражеских нападений; наконец, он рассматривался в качестве оперативной базы на период предстоящих военных действий.

Онасандр указывает, что для лагерной стоянки нужно выбирать места сухие, с хорошим воздухом, ибо сырость и вредные испарения могут явиться причиной болезни или даже гибели воинов²⁹. Лагерь должен быть непременно окружен рвом, даже если войско предполагает пробыть в нем всего лишь один день³⁰. Желательно также чаще менять место лагерной стоянки, руководствуясь прежде всего санитарно-гигиеническими соображениями³¹. Более подробных сведений — например, о лагерных укреплениях, об организации внутрилагерной повседневной жизни, караульной и патрульной службы — Онасандр не дает.

У Маврикия информация гораздо более полная. Как известно, теория лагерного устройства являлась одним из самых консервативных разделов военной науки — прогресс военно-теоретической мысли здесь отличался наиболее замедленными темпами³². Специальная глава XII книги «Стратегикона», посвященная лагерю, построена в полном соответствии с традиционными воззрениями³³. Однако по ходу изложения Маврикий высказывает несколько подлинно новаторских идей, оказавшихся чрезвычайно плодотворными с точки зрения последующего развития. Если предшествующие военно-теоретические сочинения рекомендовали располагать конницу всегда внутри лагеря, в его центре, то Маврикий советует выводить ее за лагерные пределы, пока нет непосредственной угрозы вражеского нападения³⁴. Объяснение этой рекомендации следует искать в возросшей численности конницы во времена «Стратегикона» по сравнению с эпохой Полибия, Гигина или Вегеция. Если античная военная теория рассматривала ворота как потенциально слабый пункт в системе лагерных укреплений и потому требовала сокращать их количество до минимума, то Маврикий рекомендует оборудовать четверо главных ворот и множество калиток³⁵. Тем самым он смело порывает со старой традицией, жертвуя формальными соображениями безопасности в пользу обеспечения лучших условий для нападения на противника; в конечном счете и эта рекомендация имеет своим основанием численный перевес конницы над пехотой и, следовательно, возросшую мобильность византийской армии времен Маврикия.

Кульминационным моментом военной кампании являлся бой, непосредственное вооруженное столкновение двух воюющих сторон. Именно бой становился самым серьезным испытанием боевых и моральных качеств архонтов и стратиготов, проверкой слаженности и четкости в работе всех элементов военной машины. И Онасандр и Маврикий разде-

²⁹ *Onasander*, VIII, 2, p. 404—406.

³⁰ *Ibid.*, VIII, 1, p. 404.

³¹ *Ibid.*, IX, 1, p. 406.

³² См. об этом: *Grosse R. Das römische-byzantinische Marschlager vom IV.—X. Jahrhundert.* — *BZ*, 1913, 22.

³³ *Mauricius*, XII, 8, 22, 1—29, p. 354—362.

³⁴ *Ibid.*, XII, 8, 22, 19, p. 360.

³⁵ *Ibid.*, XII, 8, 22, 2, p. 354—356.

ляют ту основополагающую идею, что фактически вся повседневная жизнь армии должна быть постоянной и целенаправленной подготовкой к этому решающему моменту.

Залог успеха предстоящего сражения — правильный выбор времени и места его проведения, а с учетом этих обстоятельств — определение схемы боевого построения собственного войска. Мы не будем заниматься подробной сравнительной характеристикой схем, рекомендуемых нашими авторами, — эта материя согласно взглядам античных и средневековых теоретиков относилась к сфере «чистой» тактики. Обратим внимание лишь на те основные принципы, которыми руководствовались Онасандр и Маврикий и которые существенно отличаются друг от друга.

Онасандр — сторонник однолинейного построения боевого порядка, что полностью соответствовало требованиям современной ему боевой теории. При этом пехотные подразделения располагались в центре, конница — на флангах боевого строя³⁶; выдвинутые вперед немногочисленные отряды легкой пехоты самостоятельных боевых задач не решали³⁷. Основой боевого построения являлась пехотная фаланга. Главная задача стратига — определить правильную пропорцию между глубиной фаланги и ее протяженностью по фронту: она не должна быть излишне растянутой, так как возникает опасность ее прорыва неприятелем; вместе с тем она не должна быть и слишком плотной, иначе противник может легко ее окружить³⁸. Онасандр имеет представление о роли резерва, препятствующего заходу неприятельских войск в тыл³⁹. Дополнительной защитой строя с тыла может служить река или возвышенность, последнюю следует заблаговременно занять особым отрядом⁴⁰. Онасандр дает понять, что иногда полезно поставить войско в такую позицию, когда его отступление невозможно (сзади расположена река или пропасть), — это заставит воинов забыть о возможности спастись бегством и поневоле усилит их боевой порыв⁴¹. В целом следует признать тактические схемы Онанандра устаревшими: очевидно, при написании соответствующих разделов своего трактата он располагал весьма архаичными источниками.

В трактате Маврикия нашли отражение самые современные для его эпохи воззрения на боевое построение армии. Принципиально новым является деление войска на несколько составных частей в соответствии с их различным тактическим назначением. Так, в составе кавалерии выделяются курсоры, размещающиеся в рассыпном строю впереди боевого порядка, — они первыми начинают бой и первыми же бросаются преследовать противника⁴². Дифензоры располагаются в сомкнутом строю и составляют основу боевого порядка; их предназначение — играть роль подвижных монолитных формирований, противостоящих атакам врага и, в свою очередь, наносящих ему основной удар⁴³. Для охраны флангов выделяются плагиофилаки⁴⁴, для охвата флангов противника — гиперкерасты⁴⁵.

Боевой порядок по «Стратегикону» — это строгое, уравновешенное расположение различных частей и подразделений в соответствии с их тактическим предназначением. Оно определяется двумя основными факторами — характером местности и особенностями неприятельской армии. Боевой порядок должен быть достаточно глубоким, чтобы противостоять натиску противника, соответствовать требованиям маневренности, т. е. быть в состоянии изменяться в зависимости от обстановки; он должен быть надежно защищен, особенно с флангов и с тыла, в том числе и

³⁶ *Onasander*, XVI, p. 442—444.

³⁷ *Ibid.*, XVII—XVIII, p. 444—446.

³⁸ *Ibid.*, XXI, 1, p. 450—452.

³⁹ *Ibid.*, XXI, 2, p. 452.

⁴⁰ *Ibid.*, XXI, 3, p. 452—454.

⁴¹ *Ibid.*, XXXII, 1, p. 474.

⁴² *Mauricius*, I, 3, 15, p. 56.

⁴³ *Ibid.*, I, 3, 16, p. 56.

⁴⁴ *Ibid.*, I, 3, 22, p. 58.

⁴⁵ *Ibid.*, I, 3, 23, p. 58.

с помощью специальных полос заграждения, оборудованных триболами, «волчьими ямами», траншеями, капканами и т. п.; необходимо, наконец, чтобы он был удобным для управления.

Маврикий решительно восстает против старого, традиционного размещения войска в одну застывшую линию, лишенную маневренности. Полемизируя с воображаемым оппонентом, он убедительно опровергает все теоретически возможные аргументы в защиту подобного принципа⁴⁶. Идеал Маврикия — построение войска в три линии — прерывистые и подвижные. Еще раз подчеркнем, что принципиальная разница в подходе наших двух авторов к проблеме боевого построения объясняется прежде всего тем, что Онасандр имел дело с войском, в котором пехоты было больше, чем кавалерии, тогда как во времена Маврикия, по его собственному свидетельству⁴⁷, численный перевес имела кавалерия.

Первая линия, по описанию Маврикия, должна включать до двух третей всего личного состава войска; она состоит из центра (дифензоры, преимущественно копейщики) и двух крыльев (курсоры, преимущественно лучники); пропорция в распределении сил по фронту 1:4:1. На расстоянии четырех полетов стрелы позади первой линии располагается вторая, разделенная на четыре составные части. Между этими частями имеются, следовательно, три интервала, ширина каждого соответствует дальности полета стрелы. Сквозь эти интервалы могут проходить подразделения первой линии, если они не выдержат ударов противника. Третью линию составляет арьергард силой до двух тагм; воины третьей линии именуются нотофилаками. Кроме трех этих линий, выделяется резерв, размещаемый в засаде⁴⁸.

Столь сложное боевое построение требовало организации четкого взаимодействия между его различными составными частями и элементами, а оно достигалось в результате длительных, повседневных воинских учений, которые рекомендовалось проводить в условиях, максимально приближенных к боевым⁴⁹.

Боевой порядок должен тщательно скрываться от неприятеля: выдвинутый вперед авангард (силой в 1—2 тагмы) препятствует вражескому наблюдению⁵⁰. Особо секретным является построение второй и третьей линий. Рекомендуется вести вторую линию на поле сражения на сближенной дистанции с первой, чтобы для вражеских наблюдателей эти две линии сливались в одну; нормальная дистанция устанавливалась непосредственно перед атакой⁵¹. Не следует, пишет Маврикий, обнаруживать полностью свой боевой строй раньше, чем окончательно выяснится расположение противника и станут вполне ясными его намерения⁵². В зависимости от этого должен быть определен и способ собственных действий — оборонительный или наступательный.

Онасандр фактически не проводит разницы между оборонительным и наступательным боем. Бой в его описании — это прямое, фронтальное столкновение двух воюющих армий и последующая рукопашная схватка между ними; в сражение сразу же оказывается вовлеченным подавляющее большинство войска. Управление боем сводится к немногим, самым элементарным приемам: ложное отступление⁵³, удары резервных частей во фланг или с тыла⁵⁴. О военных хитростях сказано сравнительно мало, хотя Онасандр вполне осознает их важную роль.

Для автора «Стратегикона» управление боем заключается в согласованном маневрировании отдельными элементами боевого строя в соответ-

⁴⁶ Ibid., II, 1, 1—20, p. 74—78.

⁴⁷ Ibid., VIII, 2, 72, p. 218.

⁴⁸ Ibid., II, 4, 1—11, p. 80—82.

⁴⁹ Ibid., VI, 1—6, p. 156—160; VII, 17a, 17—19, p. 194.

⁵⁰ Ibid., VII, 8a, p. 178.

⁵¹ Ibid., VII, 4a, p. 176.

⁵² Ibid., VII, 3a, p. 176.

⁵³ Onasander, XXI, 9, p. 456—458.

⁵⁴ Ibid., XXII, 1—4, p. 458—460.

ствий с изменениями боевой обстановки. Маврикий придерживается нового распределения сил в бою: не следует начинать сражение сразу всеми наличными силами, нужно вводить их постепенно, по мере обнаружения слабых мест противника, и именно в этих пунктах следует наращивать военное давление. Подкрепления могут быть взяты с флангов и из резерва: центр боевого порядка должен всегда оставаться нетронутым.

В течение одного сражения могут быть применены различные способы боевых действий. Кроме наступления и обороны, которые были известны с глубокой древности, «Стратегикон» намечает основы тактики контрнступления⁵⁵. Переход от одного вида боевых действий к другому должен быть неожиданным для противника.

Маврикий подчеркивает решающее преимущество фланговых и тыловых ударов перед фронтальными: сражения, пишет он, выигрываются не превосходством над неприятелем в живой силе, не безрассудной храбростью, не рукопашной схваткой, как полагает большинство, но полководческим искусством и применением военных хитростей⁵⁶. «Надежнее и выгоднее, — указывает он в другом месте, — побеждать врагов с помощью размышления и стратегического маневра, чем посредством [голо]й силы»⁵⁷.

Внезапность рассматривается в «Стратегиконе» как важнейший составной элемент военного искусства. Неприятеля страшит неожиданность. утверждает Маврикий⁵⁸. Трактат буквально насыщен примерами различных военных хитростей (удар из засады⁵⁹, ложное отступление, смена фронта, дезориентация противника относительно количества собственных сил, времени и места передвижения, направления главного удара и т. д.); при этом автор рекомендует не смущаться тем обстоятельством, что такие хитрости могут показаться бесчестными⁶⁰. Все, что выгодно одной воюющей стороне, невыгодно другой, — следовательно, нужно делать только то, что идет на пользу собственному войску, но особенно задумываясь над моральным обоснованием этих действий⁶¹. Стратиг должен действовать подобно искусному охотнику, который уничтожает диких зверей не открыто, а посредством западней, сетей, ловушек, с применением разнообразных хитростей и обманов⁶². Не рекомендуется вступать в рукопашную схватку даже тогда, когда победа над неприятелем очевидна: если эта победа достигается с помощью напрасных потерь, единственно ради пустой славы, она не только не оправдана, но даже бессмысленна⁶³.

Особый эффект может принести ночное нападение на неприятеля. У Онанасдра мы встречаем лишь отдельные, разрозненные упоминания о ведении военных действий ночью (ночной марш⁶⁴, ночная переброска засадных отрядов⁶⁵), не складывающиеся в единую, целостную картину. Как известно, тактика ночного боя стала впервые разрабатываться лишь в трактатах византийской эпохи. Этому сюжету была посвящена специальная глава в «Византийском Анониме»⁶⁶; автор «Стратегикона» последовал его примеру, сопроводив свои указания иллюстрациями из опыта деятельности полководцев предшествующих эпох⁶⁷.

⁵⁵ *Mauricius*, VIII, 1, 22, p. 200.

⁵⁶ *Ibid.*, II, 1, 2, p. 74; VII, 1, 1, p. 164.

⁵⁷ *Ibid.*, VIII, 1, 7, p. 198.

⁵⁸ *Ibid.*, VIII, 2, 10, p. 206.

⁵⁹ Тактика засадного боя разработана Мавриkiem более детально, чем во всей предшествующей военно-теоретической литературе, — ей посвящена специальная книга «Стратегикона» (IV, 1—5, p. 138—148).

⁶⁰ *Mauricius*, VIII, 1, 10, p. 198.

⁶¹ *Ibid.*, VII, 1, 2, 5, p. 166; VIII, 2, 70, p. 216.

⁶² *Ibid.*, VII, 1, 16, p. 166; VII, 4, p. 168.

⁶³ *Ibid.*, VII, 1, 16—17, p. 166—168.

⁶⁴ *Onasander*, VI, 9, p. 398—400.

⁶⁵ *Ibid.*, XXII, 4, p. 460.

⁶⁶ Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft. — In: Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller. II, 2. Leipzig, 1855, XXXIX, 1—12, p. 178—182.

⁶⁷ *Mauricius*, IX, 2, 1—16, p. 226—228.

Организуемые постоянно, последовательно и комбинационно, военные хитрости способны, по мнению Маврикия, принести успех не только против уступающего по численности, но и против превосходящего по силам неприятеля, ибо часто местность способна оказать помощь и превратить более слабых в более сильных⁶⁸. Захват инициативы в бою, удержание ее до конца сражения, действия на упреждение противника — важнейшие слагаемые победы⁶⁹. В бою должно быть учтено все — вплоть до погодных условий⁷⁰, направления ветра и положения солнца на небе⁷¹. Рекомендуются принимать во внимание не только особенности вражеского войска⁷² — эта аксиома была известна и Онасандру⁷³, — но и личные качества командующего⁷⁴.

Успех, достигнутый в сражении, должен быть закреплен энергичным преследованием разбитого противника: надо теснить врага до тех пор, пока он не будет совершенно уничтожен или не согласится на выгодный для победителя мир⁷⁵. Важно только постоянно помнить, что в процессе преследования должен сохраняться не менее строгий боевой порядок, чем в сражении. Следует особенно остерегаться вражеских засад и других контрударов противника, потому что в условиях расстроенного боевого порядка они способны круто изменить военную ситуацию, вследствие чего сами преследователи могут оказаться разгромленными⁷⁶.

На любой стадии боя, от начала до его полного завершения, следует действовать решительно, энергично, проявлять выдумку и находчивость, сообразуясь с обстоятельствами места и времени⁷⁷. Даже если военное счастье склонилось на сторону неприятеля, даже если кажется, что уже все потеряно, нужно всегда бороться до конца, сохраняя самообладание в самых критических ситуациях. Ни при каких условиях нельзя терять строй и покидать поле боя, ибо для бегущих уже нет спасения, а для тех, кто сохраняет строй и продолжает сопротивление, еще остается хоть какая-то надежда на успех⁷⁸. Онасандр подчеркивает, что войны, оказавшиеся в критической ситуации, способны к самому отчаянному сопротивлению, и это сопротивление будет возрастать тем более, чем безнадежнее будет становиться их положение⁷⁹.

Из этой очевидной истины античные военные теоретики сделали важный практический вывод: нанеся поражение противнику, следует оставить ему возможность для бегства и обеспечить все необходимое для того, чтобы он этой возможностью воспользовался. Важно при этом подчеркнуть, что подобная рекомендация проистекает отнюдь не из филантропических побуждений, — напротив, ее коренной смысл заключается именно в том, чтобы создать максимально благоприятные условия для полного разгрома противника, причем эта цель может быть достигнута в короткий срок и с наименьшими затратами сил. В византийской военной теории идея «золотого моста» для разбитого противника стала одной из основополагающих. Маврикий касается этого сюжета по крайней мере дважды⁸⁰ — настолько важным он ему представлялся. Можно напомнить в этой связи, что история военного искусства Рима и Византии не дает ни единственного примера победы, достигнутой в результате полного тактического окружения противника, подобно победе Ганнибала при Каннах.

⁶⁸ Ibid., VIII, 2, 7—9, p. 204—206.

⁶⁹ Ibid., VIII, 2, 33, p. 210; IX, 1, 2—3, p. 222.

⁷⁰ Ibid., VIII, 2, 40, p. 212.

⁷¹ Ibid., VIII, 2, 32, p. 210.

⁷² Ibid., VIII, 2, 75, p. 218.

⁷³ *Onasander*, XV, p. 442.

⁷⁴ *Mauricius*, VIII, 2, 41, p. 212.

⁷⁵ Ibid., VII, 12a, 1—3, p. 184—186.

⁷⁶ Ibid., VIII, 2, 77, p. 218; *Onasander*, XI, 1—5, p. 430—434.

⁷⁷ *Onasander*, XXXII, 9—10, p. 478—480.

⁷⁸ Ibid., XXXII, 5—8, p. 476—478.

⁷⁹ Ibid., XXXVIII, 3—5, p. 496.

⁸⁰ *Mauricius*, VIII, 2, 78, p. 218; IX, 2, 11, p. 228.

Согласно общепринятому в античной теории воззрению главным критерием военного успеха являлся разгром живой силы противника. Но немаловажной целью боевых действий был также захват военной добычи. И Онасандр и Маврикий требуют от стратига обеспечения строжайших мер безопасности при ее сборе, — это следует делать организованно, под соответствующей охраной и непременно лишь после полного окончания сражения. Снимать доспехи с убитых врагов, нападать на их обоз или лагерь, пока еще не определен исход боя, пишет Маврикий, — дело гибельное и опасное. Воинам следует каждый раз напоминать об этом, ссылаясь на установленные военно-дисциплинарным кодексом наказания, потому что недавние победители не только могут быть отброшены, но и совершенно уничтожены, когда они, рассыпавшиеся в разные стороны для грабежа, подвергнутся нападению опомнившегося противника⁸¹.

Неоднократны упоминания в трактатах о пленных. Онасандр предостерегает стратига от их необдуманного умерщвления: они могут быть использованы в качестве заложников и впоследствии проданы или обменены на римских воинов, попавших в плен к неприятелям⁸². Маврикий делает к этому несколько добавлений. В частности, он указывает еще на один возможный случай использования пленных: поскольку неприятель может отравить продукты питания или питьевую воду, следует проверять их на пленных. Маврикий известны исторические примеры на этот счет⁸³. Но особенно подробны рекомендации Маврикия по другому поводу. Если византийское войско, захватив добычу и пленных, при прохождении через закрытую местность подвергнется вражескому нападению, можно использовать пленных в качестве живого прикрытия: связанных, их следует выставить с той стороны походной колонны, откуда напал неприятель⁸⁴. Если положение станет критическим, можно вступить в переговоры с неприятелем и возвратить ему часть добычи или всю ее, чтобы получить возможность уйти без потерь⁸⁵. В случае несогласия неприятеля с такими условиями надо прежде всего на его глазах уничтожить пленных, а затем либо предпринять попытку прорваться через вражеские заслоны, либо укрепиться на месте и приступить к грабежам и разорению вражеской земли⁸⁶. Эти рекомендации приводят к недвусмысленному выводу, что с точки зрения военной теории собственная безопасность ценилась несоизмеримо выше любой военной добычи: последняя должна быть без всяких колебаний принесена в жертву ради сохранения войска.

Прилагая все силы к достижению успеха в военной кампании, не следует все-таки исключать возможность и ее неблагоприятного исхода. Онасандру известна диалектика войны, в которой победы и поражения тесно соседствуют, являясь одновременно причиной и следствием друг друга. Смысл его сентенций сводится к тому, что полоса сплошных удач может даже развратить армию, укрепить в ней пренебрежение к противнику, ослабить внимание к мерам обеспечения безопасности. Наоборот, неудача на поле боя, если из нее сделать правильные выводы, может стать надежным залогом будущих побед⁸⁷. Маврикий полностью разделяет эти идеи. Но в отличие от Онасандра, который ограничивается лишь общим советом стратигу утешить оставшихся в живых воинов и ждать случая, который дал бы надежные основания поправить положение⁸⁸, Маврикий предлагает конкретную программу практических действий⁸⁹. Прежде всего он предостерегает стратига от того, чтобы немедленно давать повторное сражение, пока армия еще находится в состоянии вполне объяснимой демо-

⁸¹ Ibid., VII, 15, p. 174.

⁸² *Onasander*, XXXV, 4, p. 488—490.

⁸³ *Mauricius*, IX, 3, 28, p. 236.

⁸⁴ Ibid., IX, 4, 8, p. 238—240.

⁸⁵ Ibid., IX, 4, 9, p. 240.

⁸⁶ Ibid., IX, 4, 10, p. 240.

⁸⁷ *Onasander*, XXXVI, 3—6, p. 492.

⁸⁸ Ibid., XXXVI, 3, p. 492.

⁸⁹ *Mauricius*, VII, 11a, 1—8, p. 182—184.

рализации. Впрочем, если от повторного сражения уклониться невозможно, то нужно решиться и на это, но сначала непременно перестроить свой боевой порядок, поменяв местами первую и вторую линии строя. Если время терпит и к тому же есть перспектива усиления армии (например, за счет прибытия подкреплений, в том числе и от союзников), следует выждать некоторое время, используя его для восстановления боеспособности войска. Можно даже пойти на временное перемирие, если условия, предложенные неприятелем, даже будучи тяжелыми, все-таки окажутся приемлемыми, — выигрыш времени здесь важнее всего. В армии должна быть проведена большая работа для укрепления морального состояния войска, чтобы оно избавилось от чувства подавленности и пессимизма. И когда все это будет сделано, следует повторным решительным сражением переломить военную судьбу. Инициативный, смелый, энергичный полководец, строго учитывающий особенности армии противника и возможности своего войска, недоступный развращающему влиянию легких побед, умеющий даже неудачи оборачивать себе на пользу, — таков для Маврикия идеал военачальника. «Не превозноситься от успехов и не падать духом при неудачах суть проявления энергичного рассудка» — в такой формуле выражает Маврикий этот идеал⁹⁰.

В качестве особого вида боевых действий военная теория рассматривала осаду и оборону укрепленных пунктов. Следуя логике гипертрофированной наступательной доктрины, Онасандр ограничивает себя анализом лишь одной стороны дела: в его трактате речь идет только об осаде городов.

Как известно, теория полиоркеттики — одна из древнейших отраслей военной науки. Именно ей был посвящен самый ранний из сохранившихся до наших дней греческих военных трактатов — сочинение Энея Тактика «О перенесении осады», датируемое серединой IV в. до н. э.⁹¹ Материально-техническая база искусства полиоркеттики оставалась практически неизменной на протяжении многих и многих столетий. Прогресс здесь выражался лишь в чисто количественном росте двух неразрывно взаимосвязанных показателей — мощности крепостных стен и мощности метательных орудий. Поэтому общая перспектива развития полиоркеттики со времен Энея до ранневизантийской эпохи воплощается в медленном количественном накоплении на фоне выраженного континуитета основополагающих принципов. Лишь спустя несколько столетий после Маврикия произойдет перерыв постепенности в этом развитии, и причиной тому послужит внедрение в боевую практику огнестрельной артиллерии.

Исходя из общих задач настоящей работы, мы не будем вникать в детали полиоркетических рекомендаций Онасандра и Маврикия, — это, если можно так выразиться, сфера чистой технологии; к тому же новаторство наших авторов по сравнению с Энеем оказывается весьма относительным. Любопытно сопоставить рекомендации Энея и Онасандра в другом плане. Поскольку первый пишет только об обороне, а второй — только об осаде, в их трактатах можно обнаружить несколько интересных рекомендаций встречного характера. В предвидении вражеской осады Эней предписывает выслать во все стороны от города специально обученные дневные дозоры, конные и пешие, которые должны своевременно оповестить городские власти о приближении врага⁹². Онасандр рекомендует стратегию, ведущему войско к осажденному городу, захватывать и задер-

⁹⁰ Ibid., VIII, 1, 6, p. 198.

⁹¹ Далее: *Aeneas*. Пользуемся изданием: *Aeneas Tacticus. Asclepiodotus, Onasander*. London; New York: The Illinois Greek Club, 1923. Сведения о других изданиях, переводах трактата, критическую литературу о нем см.: *Barends D. Lexicon Aeneium*. Assen, 1955; *Dain A. Les stratégistes byzantins*. — ТМ, 1967, 2, p. 319—320; *Беляев В. Ф. Эней Тактик — первый военный теоретик античности*. — ВДИ, 1965, № 1; *Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М., 1975, особенно гл. VI.

⁹² *Aeneas*, VI, 1—7, p. 44—46.

жизнь всех, застигнутых вне стен города, чтобы они не успели ничего сообщить своему командованию, — неожиданное появление войска у стен города служит залогом успеха в предстоящей осаде⁹³.

Эней советует выслать из города «лишних» людей (в частности, больных и нищих⁹⁴): очевидно, эта рекомендация продиктована соображениями экономии продовольственных припасов в осажденном городе. Она-сандр полагает, что стратиг может ускорить падение осажденного города, если он будет отправлять туда женщин, стариков и детей, захваченных в сельской округе: они не только не усилят осажденных, но, напротив, явятся причиной ускорения расхода съестных припасов и тем самым окажут невольную, но весьма ценную услугу осаждающим⁹⁵.

Эней приводит примеры, когда осажденные, отразив первый штурм, потеряли бдительность и осторожность, в результате чего их временный успех обернулся конечным поражением⁹⁶. Словно в ответ на это Она-сандр требует от стратига соблюдать строжайшую дисциплину, сохранять бдительность, обеспечивать меры безопасности на протяжении всей осады, даже после того, как осаждающие уже вступят в город⁹⁷.

Если осада обещает быть длительной, то, по мнению Энея, не следует находиться на стенах одновременно всем воинам гарнизона: для экономии сил нужно установить четкий порядок посменного дежурства отдельных подразделений в виде дозорных постов и передвижных патрулей⁹⁸; даже в момент штурма следует отражать его лишь одной третью наличных сил, тогда как остальная часть воинов должна отдыхать; отдохнувшим воинам следует сменять уставших через равные промежутки времени⁹⁹. Будучи знакомым с этой практикой, Она-сандр, в свою очередь, тоже советует разделить войско осаждающих на части и осуществлять осадные мероприятия посменно; желательно, чтобы таких смен было как можно больше (до шести, но не менее трех)¹⁰⁰. Попутно Она-сандр выражает ту мысль, что такую сменность осаждающим организовать намного легче, чем осажденным: последние находятся в гораздо большем напряжении, так что сменившиеся с дежурства подразделения вряд ли смогут спокойно предаваться отдыху, когда будут знать, что город подвергся штурму¹⁰¹.

Эней пишет, что возле ворот города, внутри крепостной ограды, следует вырыть замаскированный ров. После одной из очередных вылазок нужно быстро отойти в город. Вражеские солдаты, увлеченные преследованием, устремятся в открытые ворота и угодят в этот ров¹⁰². Как бы в противовес этой хитрости Она-сандр предлагает свою: снаружи городских стен, у ворот города, малых и больших, должны устраиваться засады для срыва вылазок осажденных¹⁰³. Перечень примеров таких встречных рекомендаций (по принципу «действие—противодействие») в трактатах Энея и Она-сандра может быть продолжен.

Маврикий в своих полиоркетических воззрениях в основном следует предшествующей военно-теоретической традиции¹⁰⁴. Заслуживают быть отмеченными лишь два момента. Во-первых, как уже указано выше, в «Стратегиконе» содержится развернутый план подготовки страны к отражению вражеского нашествия; в этот план включены и мероприятия полиоркетического характера¹⁰⁵. Поскольку данный сюжет не рассматри-

⁹³ *Onasander*, XXXIX, 4—7, p. 502.

⁹⁴ *Aeneas*, X, 10, p. 54.

⁹⁵ *Onasander*, XLII, 23, p. 524.

⁹⁶ *Aeneas*, XV, 8—10, p. 78.

⁹⁷ *Onasander*, XLII, 19, p. 520.

⁹⁸ *Aeneas*, XXII, 4—6, p. 106—108; 24—26, p. 116.

⁹⁹ *Ibid.*, XXXVIII, 1, p. 188.

¹⁰⁰ *Onasander*, XLII, 7—11, p. 512—514.

¹⁰¹ *Ibid.*, XLII, 12—13, p. 514.

¹⁰² *Aeneas*, XXXIX, 1—2, p. 192.

¹⁰³ *Onasander*, XLI, 1—2, p. 504—506.

¹⁰⁴ *Mauricius*, X, 1, 1—14, p. 248—250.

¹⁰⁵ *Ibid.*, X, 3—4, p. 254—260.

вался ни Энеем, ни Онасандром, можно констатировать определенный вклад Маврикия в развитие военной теории. Во-вторых, сам характер анализа Маврикием полиоркетических проблем несколько отличается от онасандровского. Мы уже имели возможность продемонстрировать односторонность наступательной концепции Онасандра. И подобно тому, как судьбу полевого сражения, по его мнению, следует решать исключительно лишь рукопашной схваткой, осажденный город может быть взят только штурмом — другие способы Онасандр считает не заслуживающими внимания. Маврикий в этом смысле гораздо более разносторонен. В его арсенале — не только применение открытого силового давления (это признавалось архаикой еще задолго до Онасандра), не только военные хитрости (цену которых Онасандр уже тоже знал): Маврикию знакомы и принципы стратегии измора, получавшей все большее распространение в ранневизантийской военной доктрине; последняя, в свою очередь, явилась обобщением боевой практики юстиниановской эпохи¹⁰⁶. Если же говорить о полиоркетике, то идея Маврикия заключается в том, что взятие неприятельской крепости — результат целого комплекса приемов и действий, имеющих целью ослабление осажденных, достижение превосходства над ними (лишение их продовольственных поступлений, разложение рядов обороняющихся, деморализация гарнизона и гражданского населения осажденного города). В таких условиях штурм лишь завершающий — и даже не всегда обязательный — эпизод в этой широкой программе. Его следует применять лишь тогда, когда станет ясно, что у осажденных достаточно продовольствия и питьевой воды, в связи с чем осада может затянуться на неопределенное время; однако во всех отношениях будет лучше, если удастся «довести их до крайности», применяя стратегию измора¹⁰⁷.

И еще одно замечание. Маврикий более внимателен, чем Онасандр, к проблеме обеспечения безопасности собственной армии в период осады, — это опять-таки вытекает из различий в их стратегических, доктринальных установках. И, как во всех других случаях, Маврикий не ограничивается теоретическим обоснованием этой идеи — он делает основной акцент на выработку практических мер по ее конкретной реализации.

* * *

В свое время Э. Гиббоном была высказана мысль о том, что «в лагерях Юстиниана и Маврикия теория военного искусства была не менее хорошо известна, чем в лагерях Цезаря и Траяна»¹⁰⁸. Сравнительный анализ трактатов Онасандра и Маврикия, датированных как раз теми периодами, о которых писал Э. Гиббон, приводит к заключению, что этот тезис следует еще более усилить: военно-теоретическая мысль ранневизантийской эпохи может быть поставлена на более высокую ступень по сравнению с греко-римской теорией. И среди главных причин, объясняющих это явление, можно указать на следующие: существенные изменения в социальной базе военной организации, выразившиеся во времена Маврикия в начавшемся переходе к армии типа народного ополчения; изменение в соотношении родов войск в пользу кавалерии, выгодно отличающейся от пехоты большей динамичностью, мобильностью, универсальностью боевого применения; прогресс в области вооружения, снаряжения и снабжения войска, порожденный более глубокой и узкой специализацией отдельных армейских частей и подразделений; осмысление и использование

¹⁰⁶ См. об этом: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.»: Основные проблемы источников и содержания. — ВВ, 1980, 41.

¹⁰⁷ *Mauricius*, X, 1, 2, p. 248.

¹⁰⁸ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. М., 1885, ч. V, с. 172.

не только собственного боевого опыта (на этом зиждилась вся предшествующая военно-теоретическая традиция), но и военных обычаев соседних народов — действительных или потенциальных противников империи.

Византийские военные теоретики более глубоко поняли неразрывную связь военного дела с социальной организацией общества и государственной политикой (еще в большей степени, чем в «Стратегиконе» Маврикия, это проявилось в «Византийском Анониме VI в.»). Углубились и конкретизировались понятия стратегии и тактики; получило всестороннее обоснование положение о том, что тактика занимает по отношению к стратегии подчиненное, зависимое место: она относится к стратегии как часть к целому, а потому ее развитие не может происходить по каким-то особым, только ей присущим законам, отличным от общих законов развития военной организации в целом. Эта глубокая мысль была высказана впервые еще во времена Ксенофонта, когда военная наука переживала период становления. В соответствии с общими законами развития любой сферы знаний дальнейший прогресс военной науки заключался в углубленной разработке ее отдельных отраслей. При этом выяснилось, что наиболее динамичной отраслью военной теории оказалась тактика: она непосредственно связана с самым подвижным, изменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким является материально-техническая база военной организации. В трудах многих выдающихся военных теоретиков, прежде всего Асклепиодота, Элиана, Арриана, проблемы тактики были разработаны наиболее тщательно и глубоко. Однако на фоне объективного отставания других отраслей (в силу их большего консерватизма) развитие тактики приобрело гипертрофированный характер. Из правильной, подтвержденной практикой посылки, что именно тактика является главным средством достижения военного успеха, постепенно сложилось ошибочное представление о самостоятельном, самодовлеющем ее характере; военно-теоретическая мысль стала ограничиваться узкой сферой исключительно тактических проблем. Оказалась утраченной изначальная целостность комплекса военно-теоретических знаний; возникла опасность утраты тактикой присущей ей динамики, окоченения, окостенения тактических схем, превращения их в абсолюты, оторванный от реальной боевой практики. Воплощением этой тенденции явилось «Краткое изложение военного дела» Флавия Вегеция Рената — сочинение, явившееся синтезом всей античной военно-теоретической мысли.

Одним из проявлений общего кризиса послеюстиниановской эпохи явился крах старой военной организации. Начиная с эпохи Маврикия вооруженные силы империи стали базироваться на новой социальной основе. Изменилось и соотношение родов войск в армии: на передний план выдвигается кавалерия (как ответное средство борьбы с конными варварскими племенами)¹⁰⁹. Естественно, что античные тактические схемы, рассчитанные на боевое использование пехоты, могли найти в этих условиях лишь весьма ограниченное применение. Тактику же кавалерийских подразделений пришлось разрабатывать практически заново, опираясь на собственный (довольно ограниченный) исторический опыт и отталкиваясь от опыта своих врагов.

Выдающаяся заслуга Маврикия заключается в том, что его «Стратегикон» явился практическим руководством по боевому применению кавалерии.

¹⁰⁹ Мы присоединяемся к мнению Ф. Оссаресса, что во времена Маврикия византийская пехота могла успешно применяться лишь против персов: во-первых, потому, что персы придерживались «правильных» методов ведения войны, во-вторых, потому, что в Малой Азии имелись хорошие дороги. Но в отношении варваров дунайского региона (аваров и славян), применявших тактику стремительных набегов, главным средством противодействия являлась быстрота, а она достигалась только применением легкой кавалерии. См.: *Aussaresses F. L'armée byzantine à la fin du VIe siècle d'après le Stratégicon de l'empereur Maurice*. Bordeaux, 1909, p. 9.

лерии в условиях формирования основ новой военной организации. Именно потому, что эта тактика разрабатывалась заново, она нуждалась в широком общетеоретическом обосновании, вследствие этого оказалось восстановленным то неразрывное единство тактики и стратегии (при зависимости первой от второй), которое существовало в военной теории изначально¹¹⁰.

Поскольку все составные элементы военной организации представляют собой не механическое соединение, а органическое единство, изменения, происшедшие в одном или нескольких из них, вызывают к жизни цепную реакцию новых перемен. Сопоставление «Стратегикона» и «Стратегикона» приводит к заключению, что во времена Маврикия существенно изменились принципы материально-технического снабжения войска, — отсюда исключительный интерес автора к сюжетам, связанным с обозной службой. Возросшая маневренность армий активизировала разработку принципов обеспечения ее безопасности на всех стадиях военной кампании (поход, лагерная стоянка, сражение), прежде всего за счет совершенствования организации разведывательной и караульной служб. С этим же связано появление элементов военно-инженерного оборудования в условиях полевого боя (земляные оборонительные сооружения, полосы искусственных препятствий и т. д.).

Во времена Маврикия усложнились и усовершенствовались боевые порядки; динамизм и универсальность — вот главные принципы их построения. Возросло искусство управления боем: в его основе отныне лежало маневрирование различными родами войск и элементами боевого порядка, основанное на внезапности. В качестве главного средства достижения военного успеха стала все более признаваться не сила, а хитрость. Возросли требования к моральным и профессиональным качествам военачальников различных рангов. Наконец важное место в деятельности командования заняла проблема морального фактора: конечная цель здесь заключалась в том, чтобы воздействовать на воинский дух, высокое состояние которого, по мысли военных теоретиков, было способно многократно увеличить силу оружия.

Значение «Стратегикона» Маврикия не ограничивается рамками его эпохи — он сам составил целую эпоху в военной науке. В плане исторической перспективы этот трактат ознаменовал такой период в развитии византийской военной организации, когда ее социальная база (свободное земледельческое население империи) была, как никогда, прочной — и в количественном и в качественном отношениях. С более специальной точки зрения это было время становления нового, перспективного рода войск — кавалерии, имевшей тенденцию к неограниченному совершенствованию своего боевого применения. Вместе с тем еще не были окончательно прерваны или ослаблены, как это произошло позднее, в период «темных веков», связи, питавшие формирующуюся византийскую цивилизацию идеями цивилизации античной, — в полной мере этот общий тезис применим и к военной науке. За осмысление и обобщение современного опыта в свете достижений военного гения древних и в духе веяний своей эпохи взялся человек, по уровню своей теоретической и практической подготовки вполне способный осуществить задуманное предприятие. В результате увидело свет официальное военное руководство, являвшееся одновременно и военно-теоретической энциклопедией, и уставом армейской службы, рассчитанным на практическое применение.

Такого благоприятного сочетания указанных факторов больше не наблюдалось ни разу во всей последующей истории империи. Социальная база армии имела тенденцию к размыванию и конечному ослаблению; ос-

¹¹⁰ Заметим, кстати, что в этом свете получает свой конкретный смысл столь широкое многих исследователей двойное, самое раннее, возможно, авторское наименование трактата Маврикия («Тактика — стратегика»), подчеркивающее неразрывное единство этих двух основополагающих категорий военной науки.

новы кавалерийской тактики, заложенные на рубеже VI и VII столетий, не получили дальнейшего развития, следствием чего стало прогрессирующее отставание византийской конницы от рыцарской западноевропейской кавалерии; в науке возобладали тенденции традиционализма, канонизации античного наследия, что в конце концов привело к почти полному прекращению всякого творческого поиска; на почве военно-теоретического творчества подвизались либо кабинетные стратеги, лишённые достаточной практической подготовки, либо узкие практики, не способные подняться до теоретических обобщений. Поэтому «Стратегикон» Маврикия, открывший перспективу развития византийской военной науки, остался и высшим достижением в этом развитии. И если попытаться проследить истоки всех военно-научных концепций, когда-либо проявлявшихся на византийской почве, все они в конечном счёте приведут к «Стратегикону» — не только потому, что он предшествует остальным византийским военным трактатам по времени, но и потому, что он оказался выше их по уровню.